

Пэй Чан лежал, уставившись в глухую черноту потолка. Едва докурив, он бесцеремонно спихнул пригревшееся существо на пол.

Приняв сидячее положение, он хладнокровно потушил сигарету прямо о собственную ладонь.

— Ты слишком много себе позволяешь, — ледяным тоном процедил он.

«Истинное непостоянство», — мысленно прокомментировала система.

Монстр остался сидеть на полу, не делая ни единого движения и не сводя с него пристального взгляда.

Пэй Чан раздраженно фыркнул. Бросив подушку прямо ему на колени, он снова улегся и закрыл глаза.

Тот попытался потянуться к нему, но Пэй Чан с хлестким стуком отбил протянутую руку. Открыв глаза, он приказал:

— Смирно. Не шевелись.

Монстр послушно замер, опустив голову. Длинные, как смоль, пряди волос рассыпались по груди Пэй Чана.

Убедившись, что монстр утихомирился, Пэй Чан положил руку на живот и снова закрыл глаза. Но уже в следующее мгновение его ладонь перехватили. Прежде чем он успел нахмуриться и вспыхнуть от гнева, обожжённую кожу обдало влажным, горячим прикосновением.

Он опешил и тут же вскинул взгляд, пытаясь рассмотреть скрытое за густой завесой волос лицо.

Монстр бережно придерживал его руку за тыльную сторону, низко склонившись и сосредоточенно зализывая ожог на ладони.

От столь жуткого, уродливого создания веяло лишь первобытным страхом и смертельной опасностью, от него глупо было ожидать тепла. И всё же Пэй Чан явственно ощущал нежность в каждом движении этого скользкого языка.

Он заворожённо наблюдал за ним. С тех пор как этот монстр набросился на него в первый раз, его страшные когти больше ни разу не угрожали ему.

Сейчас, когда чудовище бережно придерживало его ладонь, длинные острые когти были

послушно втянуты.

Пэй Чан не искал причин такой перемены, списав всё на банальную дрессировку: оголодавшее в изоляции существо просто усвоило уроки одиночества и голода.

Он перевёл взгляд ниже, на закованные в кандалы запястья. На них багровели жуткие кровоподтёки — следы многолетних истязаний выглядели уродливо и пугающе.

Операционная кушетка была сломана, и заменять её новой Пэй Чан не собирался.

Но и отпускать свою добычу он не планировал.

В его голове уже зрел план: вставить в узкое оконце толстые железные решётки и приковать монстра прямо к ним.

Тогда днём солнце больше не озарит эту камеру тёплым золотом — свет будет пробиваться лишь разрозненными, изломанными полосами. И ни одна птица не сможет влететь внутрь.

Бесчисленные потери прошлого взрастили в Пэй Чане болезненное, маниакальное чувство собственности. То, что принадлежало ему, должно было оставаться скрытым от чужих глаз. Никому не нужно знать, никому не нужно видеть. Запереть под замком, спрятать от всего мира, чтобы тайна принадлежала лишь ему одному.

Как сейчас.

Взор Пэй Чана был пугающе, потусторонне спокоен.

На бледном лице не дрогнул ни один мускул, скрывая тёмный, чудовищный омут, бурлящий в глубине его души.

Подобные мысли проносились в его голове легко и мимолётно, словно касание крыльев стрекозы над сонной гладью пруда, будь то погожий полдень или глухая полночь.

Однако за этой обманчивой лёгкостью скрывалось твёрдое, беспощадное намерение воплотить их в жизнь.

Пэй Чан слегка сжал кулаки, загоня чернильную тьму этих размышлений поглубже в подсознание.

Отвернувшись от монстра, он прикрыл веки.

— Гуайгуай, доброй ночи.

Тишина вновь поглотила комнату.

Чудовище медленно подняло голову, вглядываясь в умиротворённое лицо спящего Пэй Чана. Его когтистая лапа, сжимавшая руку мужчины, то ослабляла хватку, то снова напрягалась. Он бережно, едва касаясь, погладил костяшки его пальцев, робко пытаясь переплести их со своими.

Но в конце концов отступился и убрал руку.

Ночной мрак терзал его куда сильнее, чем дневной свет.

В эти бесконечные тёмные часы он без конца прокручивал в голове прошлое, до дрожи боясь растерять остатки прежней жизни.

Но утекло слишком много времени.

И как бы отчаянно он ни цеплялся за ускользающие образы, безжалостное время неумолимо стирало их.

Лишь одна безумная, выжженная в самой глубине сознания идея держала его на плаву, заставляя цепляться за жизнь.

И вот теперь он нашёл то, ради чего дышал. Но обрётённое сокровище принесло с собой невыносимую муку: боль и нежность, словно колючие лозы дикого плюща, сплелись воедино и медленно прорастали сквозь его истерзанное сердце.

Повернув голову к высокому ростовому зеркалу, он медленно коснулся ладонью собственного лица. Мягкий лунный свет скрадывал изъяны ночи, но даже ему было не под силу спрятать его уродство.

Отражавшийся рядом Пэй Чан казался безупречным — чистым и хрупким, словно кусок редчайшего белого нефрита.

Монстр прижал изувеченную руку мужчины к своей щеке и склонил голову набок.

Пасть, усеянная острыми клыками, беззвучно приоткрылась, без конца повторяя одно и то же имя:

«Пэй Чан».

«Пэй Чан».

«Пэй Чан».

Проснувшись утром, Пэй Чан обнаружил, что лежит прямо в объятиях монстра.

Сквозь узкое оконце пробивались тёплые лучи солнца. Поддавшись ленивой неге, мужчина не стал подниматься, лишь достал сигарету и чиркнул зажигалкой.

Монстр тут же склонился над ним и принялся вылизывать его шею.

В этих движениях не осталось и следа от прежней слепой ярости, с которой он когда-то пытался перекусить ему горло. Теперь чудовище действовало осторожно, пряча острые клыки, а шершавый язык с особым, трепетным упоением очерчивал контур его кадыка.

Воротник рубашки Пэй Чана был небрежно расстёгнут на несколько пуговиц, волосы растрепались, а в манере затягиваться дымом сквозила непривычная, порочная истома.

Когда Пэй Чан бывал в духе, его снисходительность не знала границ.

Этим утром он проснулся в на редкость благодушном настроении. Ночные сновидения стёрлись из памяти, оставив лишь приятное ощущение глубокого, восстанавливающего сна, поэтому он милостиво позволил монстру продолжать свои вольности.

Когда обнаглевшее существо добралось до его подбородка, Пэй Чан крепко перехватил его за волосы у самых корней.

— Гуайгуай, хорошего понемножку, — роняя эти слова вместе с облаком сизого дыма, предупредил он.

Язык монстра послушно отстранился, оставив на коже влажный, блестящий след.

Пэй Чан редко позволял себе подобную слабость.

Даже после того как он прибрал к рукам Корпорацию Пэй, ощущение невидимой удавки на шее так и не исчезло. Напротив, незримое, удушающее давление лишь усилилось, сковывая по рукам и ногам.

Он и сам не понимал природы этого вечного напряжения. Он чувствовал себя узником,

которого после долгих лет плена наконец освободили от оков, но так и не научили ходить.

Пытаясь нащупать опору в пустоте, он натёкался лишь на картонные стены, рушащиеся от малейшего толчка.

И эта вечная, изнуряющая тревога неизбежно переросла в бездонную пустоту и глухое, неизбывное одиночество.

Но сейчас демоны, годами терзавшие его разум, отступили. В этих объятиях они плавильсь, превращаясь в тихую прохладную воду, бережно укутывавшую его тело.

Истерзанный изнутри, но выстроивший вокруг себя неприступные бастионы, Пэй Чан погружался в это забытие, словно в сладкий наркотический дурман.

Он лежал в кольце чужих рук и курил, отрешившись от всего мира.

И прекрасно знал, что тварь не сводит с него глаз.

Взгляд монстра больше не дышал хищным голодом — теперь в нём читалась лишь бездонная, абсолютная преданность.

Пэй Чан лениво улыбнулся.

— Гуайгуай, оставайся здесь. Всегда будь со мной.

Больше никто не посмеет отобрать у него то, что принадлежит ему.

Прикрыв веки, он заворожённо наблюдал, как сизые клубы дыма, похожие на причудливые кружева, медленно тают в воздухе.

— М-м?

Внезапно ледяная широкая ладонь бесцеремонно скользнула под его рубашку и мёртвой хваткой вцепилась в талию.

Пэй Чан недовольно нахмурился, но тут же осёкся, заметив, как тяжело и рвано вздымается грудь существа. Безумный ритм его дыхания выдавал бурю, которая вот-вот грозила прорваться наружу.

— Гуайгуай, отпусти, — его голос мгновенно растерял всю мягкость.

Однако монстр и не думал подчиняться. Напротив, хватка стала ещё крепче — пальцы впились в плоть с такой силой, что на коже Пэй Чана проступили отчётливые красные следы.

Он и представить не мог, каким мощным призывом прозвучало его небрежное обещание для монстра, заживо погребённого в непроглядной тьме.

Оно в один миг превратило вековую ледяную пустыню его души в бушующее, всепожирающее пламя.

Подол рубашки задрался, и дерзкая ладонь поползла выше, нагло сминая кожу на груди.

В этом бесцеремонном жесте сквозило откровенное посягательство на его личные границы. Взгляд Пэй Чана мгновенно остекленел от ярости.

— Убрал руки! — процедил он сквозь зубы.

Чужая ладонь на мгновение замерла, острые когти едва уловимо мазнули по его ключице, после чего существо медленно, нехотя отступило.

Пэй Чан резко сел. Схватив монстра за горло, он с силой повалил его на пол и, тяжело дыша от kloкочущей злобы, прорычал:

— Не забывай, кто ты такой. Ты всего лишь собака. Жалкий бродячий пёс!

Он мог позволить себе держать рядом послушного пса в качестве суррогата, но ни за что бы не смирился... не позволил бы себе принять...

Зажмурившись на секунду, Пэй Чан силой подавил всколыхнувшийся в душе хаос чувств.

Монстр лежал на спине, покорно и безмолвно взирая на него снизу вверх.

В этих жутких, лишённых зрачков глазах не должно было отражаться ничего человеческого, однако Пэй Чан отчётливо уловил в них сквозящую горечь и извращённое, фанатичное нежелание отпускать свою добычу.

Пэй Чан угрюмо всматривался в эти черты. То ли оттого, что пряди волос растрепались и открыли лицо твари целиком, то ли потому, что в его памяти внезапно всплыл чужой образ, но он вдруг уловил в облике чудовища пугающее сходство.

Особенно этот взгляд... Словно сквозь пелену чёрных бездонных глаз, прорывая толщу прожитых лет, на него смотрели другие — лукавые, полные нежности и тепла.

И губы, изгиб которых при жизни всегда казался таким мягким, ласковым...

Пэй Чан резко переменился в лице. Бешеная, удушающая ярость мгновенно затопила его разум.

Его трясло от злости на это призрачное сходство, на это уродливое лицо и больше всего — на самого себя. Как он мог?! Как смел разглядеть родные, священные черты в этом омерзительном кошмаре?!

С оглушительным треском он пнул стоявший рядом деревянный стул, разнеся его о стену в щепки.

Октябрьское солнце ещё дарило последнее робкое тепло, а утренний воздух бодрил прохладой и свежестью.

Но Пэй Чана колотило от ледяного озноба. Изнутри его распирала дикая, разрушительная злоба.

В этот момент экран лежащего на столе телефона ярко вспыхнул. Мужчина скользнул по нему холодным взглядом. Заметив имя звонившего, он на секунду зажмурился, силой загоняя клопочущую ярость обратно в бездну.

Из динамика раздался жизнерадостный, полный энергии голос Чжэн Юйциня:

— Господин Пэй, сегодня отличный денёк. Не хотите размяться на корте?

При звуках этого голоса распростёртое на полу тело заметно напряглось, но Пэй Чан даже не взглянул в ту сторону. Выпрямившись, он принялся неторопливоправлять помятую рубашку.

— Некогда, — коротко бросил он в трубку.

— Неужели наш великий директор Пэй занят делами государственной важности даже в законный выходной? — рассмеялся собеседник. — Неужели вся Корпорация Пэй рухнет, если вы отлучитесь на пару часов?

Всё та же дешёвая и предсказуемая попытка взять на слабо.

— Чжэн Юйцин, тебе совсем заняться нечем?

Застегнув последнюю пуговицу, он наклонился и взял лежащий на столе телефон.

В отражении он заметил на своей шее розоватое пятно — засос, оставленный монстром в порыве ласки.

Пэй Чан попытался поправить воротник, чтобы спрятать его, но след упрямо проглядывал сквозь ткань.

От этого зрелища внутри мужчины вновь вскипела глухая, душная ярость.

Но Чжэн Юйцинъ, разумеется, не умел читать чужое настроение по голосу.

— Скажи, господин Пэй, а у тебя вообще есть хоть какое-то хобби? — внезапно спросил Чжэн Юйцинъ.

Пэй Чан на секунду замер. Сделав глубокий вдох, он дождался, пока отражение в зеркале вернёт себе маску привычного ледяного безразличия.

— Нет.

— Так заведи. Человеку нужна хоть какая-то отдушина, чтобы жизнь не казалась бесцельной.

Пэй Чан промолчал, продолжая гипнотизировать взглядом собственное отражение.

Спустя пару мгновений он сбросил вызов. Равнодушно вскинув подбородок, он затянул узел галстука и, не оборачиваясь, направился к выходу.

На этот раз у двери он не обронил своего привычного: «До встречи, Гуайгуай».

Едва снаружи раздался сухой щелчок дверного замка, неподвижный монстр на полу медленно шевельнулся. Он протянул руку вперёд, подставляя её под бьющий из окна луч солнца. В ярком свете мертвенно-бледная кожа, испещрённая тонкими багровыми прожилками вен, и длинные острые когти выглядели особенно отталкивающе, раня взгляд своей уродливой неестественностью.

Чудовище резко отдернуло ладонь, словно обжегшись о невидимое пламя.

Но мгновение спустя рука, сокрытая густым мраком, вновь упрямо скользнула в полосу света. В этот раз монстр не отступил. С силой сжав пальцы в кулак, он отчаянно попытался поймать, удержать в своей ладони эту хрупкую золотую пыль.